

The background of the cover is a complex, high-contrast black and white drawing. It features a central, dark, somewhat triangular or trapezoidal shape with a dense, fibrous or crystalline texture. This central shape is surrounded by several circular or oval forms, some of which are filled with dark, swirling patterns, while others are more open and contain fine, radiating lines. The overall composition is dense and intricate, with a strong sense of depth and texture.

Алекс Аргутин

Принц из космоса

1990

Алекс Аргутин
Принц из космоса

«ЛитРес: Самиздат»

1990

Аргутин А.

Принц из космоса / А. Аргутин — «ЛитРес: Самиздат», 1990

Ты должна позвонить, но ты еще спишь. Спишь и видишь, как море синезеленое за окном набегают на берег, сплошь усыпанный янтарем. Там, где ты пребываешь, - теплые страны. Там, где ты снишься себе в образе бесконечного океана, - миллион лет назад забытая Родина, - времени неумолимым движением как реальное место перечеркнутая навсегда.

ПРИНЦ ИЗ КОСМОСА

Твой бархатный плащ, Ночь,
твой голос прозрачный, Небо,
твоих губ синие поцелуи
и твое сердце – где-то
спрятаны или умерли не-
задолго до наступления Лета.

Также, как листья осенние
трусами после зимы
появляются из-под Снега,
твои вечные Символы
обнажены, но это -
не выглядит как победа.

1.

В большом городе, на тихой улице, в одном из зданий с осыпавшейся штукатуркой, в обычной квартире, в комнате со стенами, полом и потолком не первой свежести, у окна с видом на эту улицу, Я, сущность твоя, думаю о тебе, Вселенная... О времени думаю и обстоятельствах, смотрю на часы. Мысли мои падают на пол, как стеклянные шарики, мои мысли капают на паркет, портят его поверхность там, где упали.

Когда-то я думал, что это изменит мир. Когда мир не изменился, я стал думать, что это изменит меня. Но это не изменило ни мир, ни меня. Тогда я встал и прошел в ванную, а затем на кухню, открыв краны с горячей водой. Жидкость бледного цвета, шипя и клубясь паром, рванулась из металлических трубок наружу. И я подумал, если бы такой эффект производило вскрытие вен, я бы не удержался от этого шоу.

По пути обратно в комнату я думал о людях, идущих по улице, курящих "беломор", "болгарию" или "салем". О людях, курящих "стрелу", "столичные" или "кэмэл". По коридору я шел не долго, и, оказавшись в комнате, закурил. Пуская дым, я уже ни о чем не думал, кроме как о том, что, погасив сигарету, усну. Но когда докурил, сон не пришел, и я так и остался ни с чем.

2.

Я сижу в кресле перед окном, слушаю дождь и троллейбусы. Слушая трамваи и автобусы будних дней. Думая о своем доме, как о больничной палате. Иногда думая в этой тюремной больнице о возможном и невозможном спасении. О выздоровлении или о смерти. Прекрасно понимаю, кто болен. Зная, что болен мир за окном. Слушая радио сальных суток, нескончаемую по утрам передачу о жизни дворников, детей и старушек внутренних дворишков разноэтажных строений. Малометражных отвесных стен убогих пещер двух, трех и более комнатных коммуналок. Вечерним шумом своим напоминающих птичьи гнезда где-нибудь в скалах на побережье северного океана. Птичий базар, высотой с дом, снабженный трубами, антеннами и проводами кабельного телевидения.

Отвернувшись от окна, снова возвращаюсь в вертикальное положение, и, как во сне, делаю четыре шага вперед, шаг направо, пять шагов прямо. Выключив воду и электричество в ванной, воду на кухне, закрыв форточки, ставлю чайник. Вернувшись в комнату, ложусь на кровать и смотрю в потолок. Не пытаюсь разобрать, бодрствую или сплю, как-то автоматически возвращаюсь на кухню. Теряя равновесие, протягиваю руку. Прислоняюсь спиной к стене.

Чайник кипит. Механически курю, как в полудреме, пью чай, – словно не я, словно кто-то другой. Думаю уже ни о чем. Впустую. И вдруг вспоминаю, – завтра ты должна позвонить...

3.

Странно ли то, что порой некоторые вещи мы совершаем, как дистанционно управляемые механизмы. Просто командуешь из ниоткуда, или издалека, а тело твоё само выключает газ, разливает чай. Или даже вообще не командуешь. И даже не наблюдаешь. И, кажется иногда тогда, что жизнь наша протекает сразу в нескольких измерениях.

Думаю об этом уже на границе спасительного забвения или сна, и это настраивает меня на прием более сложно организованных колебаний. Пробуждая способность предвидеть будущее или существующие объекты, скрытые непрозрачной вуалью пространства. И это внутреннее зрение, рождающееся на грани сна – нечто не менее реальное, чем естественная потребность мозга распознавать предметы на осязаемом расстоянии. В сущности, – это и есть один из основных факторов, возвышающий человечество над остальными формами жизни. Наш развитый мозг – третий глаз, с помощью которого каждый может проникнуть внутрь другого субъекта, не нарушая границ, не подвергаясь опасности быть замеченным.

Если посмотреть на мир под этим углом, местность, где мы обитаем, будь это даже и город, кристаллизуется на дне стакана нашей микровселенной. Если внимательно посмотреть, правильно настроив зрение, улицы превратятся в каньоны, фонарные столбы закачаются под дуновением неощутимого кожей ветра – в точке времени, где живем. Коралловые ветви деревьев застребуются в прямоугольные окна каменных батискафов. Наполненная электричеством этого понимания, нервная система ржавеющих проводов и отработавших микросхем оживет.

Если правильно посмотреть, небо всегда черно. Относительно светло становится только ночью. Ночь же – всего лишь отсутствие опалово-голубого плаща Принца из космоса, брата человека-Луны, внебрачного сына стареющего мироздания. На дне его – города – искусственные острова, иллюзии, снящиеся многосерийные фильмы...

4.

Весь вечер по телевизору показывают футбол. Всю ночь по телевизору крутят блеф-клуб. За окном то моросит мелкий дождь, то валится дождь со снегом. Немногие окна светятся за рубежом мокрых рам, бросая крестообразные отблески на асфальт в лужах. Музыка субботнего ненастья голосит откуда-то из почти уже чердачных окон соседнего дома. Под аркой слева алкогольная мафия торгует вином. Но сыро и холодно под дождем, и это сильнее, чем то сухо и все равно холодно по возвращении.

Кутаясь в плед, сижу у окна, как у зеркала, всматриваясь в спящие глаза в глубине двора. Кутаясь в плед, измерив в который раз комнату, в этот раз босиком, падаю в распахнутые объятия серых от сумрака одеял и простыней постели. Выключив свет, мысленно оставшись наедине с городом, – делаюсь его двойником. Без сожалений расставшись с воспоминаниями о теле, оставляю позади и его биологический сон. Разве только наблюдая за ним из-за окна, с высоты птичьего полета, краем глаза следя за распростертой и медленно дышащей своей проекцией на иллюзию комнаты. Трёхсот шестидесяти градусным зрением в полную силу питаю себя угасающим тепловым излучением остывающих стен и асфальта.

И утро – уже ни что иное, как время начала дня, старт отчета до вечера, когда ты должна позвонить.

5.

Ты должна позвонить, но рано, и ты еще спишь. Или уже проснулась, но глаза не открыты. О чем ты думаешь в этот час, и что делают мысли в пока не расчесанной голове? Когда губы еще не накрашены, ресницы не подведены, – думаешь ли, ты о городе, похожем на рифовый архипелаг или на остров вулканического происхождения. Осколок земли, затерянный среди запорошенных белым полей с защитными полосами кораллов-деревьев вдоль окаменелостей рек?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.